

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (8)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Хузин Ф.Ш. Светило татарской археологии.
К 85-летию со дня рождения А.Х. Халикова7

Статьи

Измайлов И.Л. Булгарский этнос в трудах А.Х. Халикова:
научная концепция и ее теоретические основания 11

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике
исследования поселенческой структуры и ресурсного
потенциала37

Кокорина Н.А. К вопросу о назначении так называемых
«реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы49

Орфинская О.В., Никитина Т.Б. Ткани из могильников
Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.70

Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища92

**Междисциплинарные археологические и
естественнонаучные исследования**

Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. Научный
семинар по проблемам междисциплинарных
исследований Болгара и Свияжска..... 112

Бадеев Д.Ю. Планировка городской застройки Болгара
в позднезолотоордынский период (предварительные
результаты исследований по материалам раскопок к
юго-западу от Соборной Мечети) 119

Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части
Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.)..... 131

Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования
некрополя в южной части Болгарского городища
(раскоп CLXXIV 2012 г.) 145

Бугарчев А.И., Беляев А.В. Нумизматические материалы
из раскопа CLXVIII Болгарского городища 165

Храмченкова Р.Х. Химический состав глины как индикатор
сырьевого источника 176

Гольева А.А. Естественнонаучные исследования на
городище Болгар (первые результаты).....205

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеполгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011-2012 гг.)230

Заметки

Абдуллин Х.М. О кладе русских монет XV–XVI вв., обнаруженном в Казанском Кремле 4 мая 1909 г.256

Критика и библиография

Лифанов Н.А. Рец. на: Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. (Самара: СГТУ, 2012. 350 с.)261

Хроника

Зеленев Ю.А. Юбилей Татьяны Багишевы Никитиной284

Список сокращений290

Правила для авторов291

CONTENTS

Khuzin F.Sh. A luminary of Tatar archaeology. To the 85th anniversary of the birth of A.Kh. Khalikov7

Articles

Izmailov I.L. Bulgarian ethnos according to A.Kh. Khalikov' works: scientific concept and its theoretical bases 11

Shakirov Z.G. Medieval surroundings of the Bilyar: concerning the method of research in the settlement pattern and resources potentiality37

Kokorina N.A. Towards the issue on practical function of the medieval so called "reliquaries" of Eastern Europe49

Orfinskaya O.V., Nikitina T.B. Fabrics from burial grounds of the Vetluga and Vyatka interfluvial area of the IX–XI centuries70

Gluhov A.A. Historical topography of the Tsarevskoye settlement92

Interdisciplinary archaeological and natural science researches

Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. Scientific seminar on problems of interdisciplinary researches at the Bolgar and Sviyazhsk 112

Badeev D.Yu. Urban layout of the Bolgar during the Late Golden Horde period (according to the excavations southwest of the Cathedral Mosque) 119

Elkina I.I. Mausoleum of the XIV century in the southern part of the Bolgar settlement (excavation trench CLXXIV). Research 2012 131

Lazukin A.V. Preliminary results of the research in the necropolis in southern part of the Bolgar settlement (excavation trench CLXXIV) in 2012 145

Bugarchev A.I., Belyaev A.V. Numismatic materials from the excavation trench CLXVIII at the Bolgar settlement 165

Khramchenkova R.Kh. Chemical composition of the clays as indicator raw material sources 176

Golyeva A.A. Natural scientific research at the Bolgar settlement (the first results) 205

Bakhmatova V.N., Kuklina A.A. Concerning relationship
between production technology of ceramic vessels and
their functional purposes: characteristic of the pastes
(According to investigations at the Bolgar settlement 2011–2012).....230

Notes

Abdullin Kh.M. Concerning the hidden treasure of Russian
coins of the XV–XVI centuries discovered at Kazan
Kremlin on may, 4th, 1909.....256

Critique and Bibliography

Liphanov N.A. Review of the book: Bogachev A.V.,
Frantsuzov D.A. Costume of the proto-Bulgars of the
Middle Volga region: the end of the VII – the
beginning of the X century (Samara, 2012, 350 p.).....261

Chronicle

Zelenev Yu.A. Anniversary Tatiana Bagishevna Nikitina284

List of abbreviations290

Rules for authors291

Статьи

УДК 902/904 (018)

БУЛГАРСКИЙ ЭТНОС В ТРУДАХ А.Х. ХАЛИКОВА: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

© 2104 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена вопросам булгарского и татарского этногенеза в работах выдающегося казанского археолога А.Х. Халикова. Его концепции основывались на том, что в формировании этих народов принимали участие различные этнические группы (тюркские, финно-угорские, восточнославянские), и главную роль в этих процессах сыграло их культурное взаимовлияние. Концепция этногенеза и этнической истории татарского народа, разработанная А.Х. Халиковым, стала в свое время серьезным теоретическим прорывом на фоне как идеологизированных исторических схем советского времени, так и различных националистических идей, отличаясь от них комплексным, разносторонним научным анализом, прежде всего данных археологии. Однако в настоящее время, когда теоретическая и фактологическая база историко-этнологических исследований резко расширилась, в этой концепции обнаруживаются противоречия по ряду вопросов, которые, в силу этого, требуют новых подходов к их решению.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, средневековье, Волжская Булгария, булгарский этнос, тюркские народы, этногенез татар, концепции этногенеза, «археологическая этногенетика», историография, казанская школа археологии..

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.
Н. Заблоцкий

Проблемы этногенеза татар в трудах А.Х. Халикова: спор о наследии. История исторической науки является одной из актуальных и широко изучаемых тем в отечественной и зарубежной науке. В последнее десятилетие в отечественном науковедении все шире становится фронт изучения истории науки, как отдельных ее направлений и научных школ,

так и тенденций ее развития в целом. Первоначально изучение науки было сосредоточено на проблемах анализа творческой биографии и исследовательских программ отдельных выдающихся личностей и научных направлений. Однако в середине нашего века ситуация решительно изменилась. Начало научно-технической революции не только резко повысило роль науки,

но и изменило ее качественно. Сам подход к научному творчеству стал другим, как и наше понимание сути истории, как науки, изучающей источники и свидетельства прошлого для его изучения и реконструкции. Одновременно пришло понимание того, что историки сами являются заложниками своего времени, знаний и представлений своего века, строя свою реконструкцию прошлого с надеждой, что она приближает нас к истине.

История казанской школы археологии является весьма заметным явлением в отечественной науке. Она имеет глубокие традиции в прошлом, настоящем и будущем. Многие идеи и концепции, высказанные в прошлом, имеют самое прямое отношение к современности, часто определяя наш теоретико-методологический багаж. Наследие прошлого в науке не просто красивые воспоминания, но и сам инструментарий, с помощью которого изучается прошлое, строятся различные объяснительные модели и реконструируются различные исторические процессы.

Сложность ситуации в том, что историография археологии довольно поздно стала оформляться в самостоятельный раздел науки и часто до сих пор пребывает в состоянии Золушки. В лучшем случае мы имеем дело с биографиями ученых или историографическими экскурсами по определенной теме. В то время как требуется системный и широкий взгляд на развитие археологии, формирование и смене ее парадигм, важнейших теоретических и методологических оснований.

Альфред Хасанович Халиков был не только видным археологом и историком, но и одним из тех, кто форми-

рует научные школы и формулирует концепции. Влияние его школы на развитие науки всего Волго-Уральского региона не подлежит сомнению, а многие действующие исследователи, вышедшие из нее, определяют в настоящее время развитие археологии в регионе. Подчеркивая его заслуги, следует отметить, что сам А.Х. Халиков действовал в рамках определенной научной парадигмы, определявшей теоретический багаж науки того времени. Достижения его не подлежат сомнению, а его вклад в осмысление прошлого народов Волго-Уральского региона важен и многообразен. Сохраняют значение для современного состояния науки не только его полевые изыскания, но и целый ряд концептуальных построений.

Однако его научное наследие не мемориал, а определенная ступень к познанию прошлого. Анализируя научные заслуги А.Х. Халикова, изучавшие его творчество коллеги, подчеркнули: «в последние годы в российской научной и квазинаучной литературе, и особенно, в Татарстане, вновь горячо дискутируется вопрос об этногенезе татарского народа. При этом зачастую забываются огромные заслуги А.Х. Халикова в разработке данной проблемы, а его научное наследие рассматривается лишь в узких рамках школы «булгаристов». Между тем, именно Халиков еще в 60-х годах со всей остротой поставил вопрос о необходимости комплексного подхода к изучению этнической истории тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья ... Халиковские работы последних лет звучат сегодня особенно актуально, когда группой историков активно разрабатывается «новая» концепция, в основе ко-

торой лежит признание в качестве почти единственного предка всех этнографических групп татар (поволжских, сибирских, астраханских и даже крымских) т.н. «тюркоязычных татар», проникших из Центральной Азии на Волгу вместе с полчищами Батыя в 1236 г. Эта концепция совершенно игнорирует одно из важнейших заключений булгароведения (которое базируется на большом количестве археологических и исторических фактов и которое активно – вслед за А.П. Смирновым – отстаивал и А.Х. Халиков) о значительной роли волжских булгар в этногенезе казанских татар» (Кузьминых и др., 1999, с. 23). Представляется, что подобная точка зрения излишне эмоциональна и неконструктивна.

Развитие науки, смена одних идей другими, а концептуальных оснований новыми методологическими подходами происходит не просто по воле «групп историков», но тогда, когда из набора конкурирующих идей, научное сообщество выбирает те, что отвечают современным достижениям науки. Структура подобных «научных революций» прекрасно описана в классическом науковедческом труде Т.С. Куна (Кун, 1975). В нем он сформулировал несколько важнейших тезисов, которые важны для понимания смены парадигм научного творчества, показал, как развитие «нормальной науки» по его терминологии заканчивается теоретическим тупиком, когда накопленная сумма фактов уже не укладывается в привычные объяснительные модели. Возникает проблемная ситуация, кризис прежних подходов и, наконец, формулирование новой концепции. Эта новая теория

не просто логичнее, непротиворечиво и комплексно объясняет всю имеющуюся фактологию, но и часто включает прежние идеи в качестве частных случаев. Собственно, это и является «научной революцией», которая заканчивается формированием новой «нормальной науки». К сожалению, «научные революции» в общественных науках происходят намного драматичнее и болезненнее, чем в естественных, поскольку являются частью привычной «картины мира», мировоззрения и самоидентификации. Отсюда и стремление части научного сообщества не утвердить свои взгляды в научной дискуссии, но дискредитировать своих противников. Подобный подход представляется некорректным и ненаучным.

Альфред Хасанович Халиков по праву занимает место одного из теоретиков проблем этногенеза и этнической истории. Но в последнее время именно эти его взгляды подвергаются значительной критике, а концепция этногенеза и этнической истории татарского народа – темы, которая была важнейшей и ключевой для него – пересмотру. Но это не значит, что они могут быть просто отброшены с уничижительным ярлыком «устаревшие». Более того, именно в этой ситуации требуется еще более серьезно изучить его труды, чтобы понять его и определить основу его теоретических постулатов, выяснить какие из них выдержали проверку временем, а какие должны стать достоянием истории науки. Ведь без его теоретических изысканий и моделей, очевидно, не сформировался бы и последующий этап «нормальной науки», так как именно на его трудах и подходах ба-

зировались последующие поколения историков, прокладывая свой путь в туманном прошлом.

Казанская научная школа и А.Х. Халиков: труды по болгаро-татарскому этногенезу. Казанская школа археологии существует более 200 лет и заслужила известность в научном мире открытиями многих своих славных представителей. Развитие археологии в Казани с самого появления интереса к древностям началось с обращения к остаткам татарской культуры. Еще со времени путешествий российских императоров по Волге Петра I и Екатерины II интерес к «Российскому Востоку» был значителен. В определенной мере можно даже сказать, что древности средневековых государств Поволжья сыграли роль, подобную античным памятникам Италии в истории археологии Западной Европы и Крыма в России, то есть своего рода «классических древностей». Изучение истории и предметов материальной культуры Волжской Булгарии и Золотой Орды способствовало развитию археологии, выработке ее методики и уточнению ее источниковедческой базы.

Особенностью становления археологии в Казани было творческое взаимодействие исследователей различных специальностей от геологов и этнографов до правоведов и историков. Очевидно, поэтому здесь не произошло разделения археологических исследований на изучение «классических» и первобытных древностей, как это было в Европе. Это привело к довольно раннему освоению археологами передовых методик, почерпнутых из арсенала естественных наук (изучение стратиграфии, эволюционная теория, типология находок) для изучения

средневековых памятников и элементов искусствоведческого анализа для описания первобытных древностей. Синтез двух направлений в изучении прошлого наиболее заметен в работах археолога-краеведа А.Ф. Лихачева и геолога А.А. Штукенберга. Взаимобогащение программ исследований шло не только по линии методики работ, но и в направлении углубленного исследования проблем этногенеза народов Поволжья. Важным направлением исследований практически всех археологов, историков, этнографов и краеведов являлось рассмотрение вопросов происхождения народов Поволжья и Приуралья и их контакты с различными регионами Евразии.

Особо бурное развитие археология получила в Волго-Уральском регионе во второй половине XX в. Способствовал этому целый ряд обстоятельств – необходимость изучения прошлого целого ряда народов края, чья история практически не освещалась письменными источниками, развертывание строительства большого числа народнохозяйственных объектов – гидроэлектростанций Волго-Камского каскада, заводов, каналов для мелиорации засушливых земель и т.д. В этих условиях прирост полевых материалов способствовал взрывному характеру накопления фактов и требовал создания моделей и теорий для их сопоставления, объединения и теоретического осмысления. В этих условиях не случайно было появление в регионе целого ряда выдающихся археологов-теоретиков, таких как А.П. Смирнов, В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков.

Само становление Альфреда Хасановича как ученого приходится на вторую половину XX в. Хотя он за-

стал еще сталинскую эпоху, но идейно он был человеком уже следующего «оттепельного» поколения. В 1947 г. он поступил в университет, который окончил в 1952 г. Научным руководителем в студенчестве и его дипломной работы был Николай Филиппович Калинин – человек значительных и разнообразных знаний и талантов, чей круг интересов простирался от археологии до живописи, от татарской эпиграфики до музыки. Он без труда разглядел в пытливом юноше талант исследователя и всячески развивал его. Как-то на мой вопрос о том, как он начал изучать историю предков татарского народа, Альфред Хасанович ответил, что уже со студенческой скамьи. Позже он как-то оговорился, что даже писал курсовую работу по теме происхождения татарского народа. Этому можно верить хотя бы потому, что самая первая его работа в соавторстве с Н.Ф. Калининым в значительной части была посвящена исследованиям средневековых памятников Татарстана (Калинин, Халиков, 1954). Определенно, что в ее создании он принимал самое прямое участие. Но ясно и другое, что в условиях тогдашней научной конъюнктуры заниматься средневековой историей татар означало бы поставить крест на всей научной карьере. Это была опасная и во всех отношениях «скользящая» тема.

Вспомним, что на период его учебы приходится время, когда болгарская теория происхождения татарского народа стала не просто одной из других, но единственной. Причем не подлежащей ни сомнению, ни критике. Данная концепция, возникшая еще на заре становления исторической науки в конце XVIII – начале XIX в., была разработана в основных чертах в

1920-е гг. с появлением теории стадильности развития языка и автохтонного происхождения народов («яфетическая теория» Марра о развитии языка и общества). Во второй четверти XX в. болгаро-татарская концепция конкурировала с другими теориями (см.: Фирсов, 1921; Худяков, 1922, Губайдуллин, 1925; Губайдуллин (Газиз), 1924), но по мере внедрения в советскую историческую и лингвистическую науку вульгарного марксизма в виде марристских концепций, она постепенно становится все более популярной, поскольку добавляла этой традиции обоснование в виде новых «материалистических» теорий (Смирнов, 1938; 1940; Гимади, 1941).

Но после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и особенно после научной сессии по происхождению татарского народа (25–26 апреля 1946 г.) данная концепция была основательно отредактирована и схематизирована. Важнейшим периодом татарской истории был признан болгарский, а история Золотой Орды стала рассматриваться как малозначимый и «внешний» для татарской истории. В большинстве советских исторических трудов 1940–50-х гг. (А.П. Смирнов, Х.Г. Гимади, Л.З. Залляй, Т.А. Трофимова, Н.Ф. Калинин) стала утверждаться прямая и непосредственная преемственность между булгарами и татарами (см.: Происхождение, 1948; а также: Измайлов, 1996, с. 96–101). Однако основная проблема была не в самом факте подобного отождествления (хотя сама по себе методика прямолинейного сопоставления средневекового этноса и современной нации достаточно схематична и сомнительна), а в насильственных партийно-административных методах ее

утверждения (Исхаков, 1997, с. 194–205; Измайлов, 1996, с. 96–101; 1997, с. 116–118). В этой связи понятно, что курсовая работа по теме о происхождении татар не могла быть построена только на принципах, сформулированных на «научной» сессии 1946 г. Но повторение уже использованных аргументов ограничивало возможности творчества.

В этих условиях можно предположить, что его научный руководитель Н.Ф. Калинин посоветовал студенту заняться более идеологически выверенной и политически нейтральной темой. И он переключился на изучение памятников каменного и бронзового веков.

Одновременно начались крупномасштабные работы в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, позволившие резко увеличить источниковедческую базу данной работы. Можно сказать, что это была своего рода «внутренняя эмиграция» в глубокое прошлое. Но уже в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. Альфред Хасанович Халиков начинает делать шаги в сторону освоения этой темы. Сначала это были раскопки Танкеевского и Большетиганского могильников, потом изучение взаимодействия различных народов Поволжья в древности и разработка древнейших этапов этногенеза финно-угорских народов Среднего Поволжья. В 1965 г. он стал заведующим отделом археологии и этнографии, с 1967 г. начал руководить масштабными исследованиями Билярского городища, а также написал очерк по истории Волжской Булгарии в академическую «Историю ТАССР» (1968). Тогда же он разработал и начал читать в Казанском университете курс лекций: «Этногенез народов Среднего

Поволжья и Приуралья» (с 1967), который с успехом читал в целом ряде зарубежных и российских вузах (см.: Халиков, 2011). К началу 70-х годов А.Х. Халиков уже стал признанным специалистом в области этногенеза и этнических контактов народов Среднего Поволжья и Приуралья. Произошло не просто возвращение к старой студенческой теме, но обращение к ней с новым багажом знаний, новыми подходами и на совершенно другой теоретической основе. Пришла пора решить проблему происхождения татарского народа на новом качественном уровне.

Первым его выступлением на тему этногенеза татарского народа стала газетная публикация 3 июля 1966 г., где он попытался отойти от прежнего «сталинистского» «булгаризма» и попытался поставить вопрос о происхождении казанских татар в контекст истории других тюркских народов, стараясь доказать, что тюркоязычные народы проникли в Среднее Поволжье задолго до болгар, которые сыграли роль стержня, на который наматывались все другие племена и народы, в том числе и центральноазиатские татары. Позднее эта точка зрения получила развитие в ряде выступлений на конференциях и программных статьях об истоках формирования народов Волго-Уральского региона (Халиков, 1971, с. 7–36; 1971а, с. 30–37; 1976, с. 102–119). Высказанные им новые мысли вызвали интерес научного сообщества и даже критику со стороны А.П. Смирнова и его последователей (Смирнов, Корнилов, 1972, с. 481–517; Смирнов, 1974, с. 320–324), что встретило обоснованное возражение казанских археологов (Халиков и др., 1972, с. 265–274).

Постепенно концепция происхождения татарского народа проходила стадию кристаллизации и вышла в свет в виде отдельной книги (сначала на татарском языке – в 1974 г., а затем и на русском языке – в 1978 г.). Могу сказать, как свидетель, что эта книга сразу же после выхода в свет стала настоящим бестселлером. Она была сметена с полок книжных магазинов буквально за несколько месяцев, несмотря на двадцатитысячный тираж. Концепция эта получила развитие в целом ряде других книг и статей А.Х. Халикова, фактически оставаясь неизменной в своей концептуальной части. В наиболее общем и концентрированном виде эта теория этапов этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья была изложена автором в опубликованном докладе на II Всесоюзной тюркологической конференции (Алма-Ата, 27–29 сентября 1976 г.) (Халиков, 1981). Переработанная и дополненная его концепция была опубликована в двух монографиях (Халиков, 1978; 1989). Это был самый пик расцвета «научного булгаризма», когда она фактически безраздельно владела умами научного общества. Не принимали ее частично или целиком только отдельные историки (Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов). Но уже в начале 1990-х годов эта теория стала подвергаться критике. Надо сказать, что А.Х. Халиков чрезвычайно болезненно воспринимал любые сомнения в стройности его теории и бурно дискутировал со своими оппонентами. В ответ на критику он подготовил несколько трудов, где дополнял и развивал отдельные положения своей теории (см.: Халиков, 1992; 1994). При этом в своих поздних работах А.Х. Халиков совершил

сдвиг на самый край «булгаризма», всерьез предлагая провести референдум о будущем наименовании народа: «булгары» или «татары»?

В той или иной степени эта теория с конца 1970-х г. стала основной ортодоксальной теорией, своего рода ядром теории этногенеза в отношении татар Поволжья и Приуралья. Она использовалась или дополнялась в различных историко-этнологических трудах, а вокруг нее строился научный процесс и главные дискуссии (см.: Юсупов, 1971; Закиев, 1977; 1995; Каримуллин, 1988; Алишев, 1985; 1995; Бариев, 2005).

Булгаро-татарская концепция: от декларации к научной теории. Сама по себе гипотеза о булгарской основе современной татарской нации довольно традиционна и с разной степенью полноты уже рассматривалась в тех или иных трудах предшественников. Заслуга А.Х. Халикова в том, что он не просто обобщил все эти подходы, но и выстроил их в единую систему с общим концептуальным подходом и использованием комплексного историко-этнографического подхода. Во многом успех его трудов объяснялся ясным и логичным изложением, выполненным прекрасным языком на уровне лучших образцов научно-популярной литературы. Именно эта ясность, логичность и эрудиция способствовали популяризации этой концепции и сохранению устойчивого интереса к ней до сих пор.

Наиболее полное и последовательное изложение концепции А.Х. Халиков осуществил в ряде своих трудов (Халиков, 1978; 1980; 1989; 1992), хотя подходы к этой теме он начал формулировать еще в конце

1960-х гг. Отличие этой теории от прежних теорий, выдвинутых на «академической сессии 1946 г. (прежде всего это касалось трудов А.П. Смирнова – тогдашнего лидера отечественного болгароведения) заключалось в том, что она была теоретически выверенной и продуманной, в ней не было концептуальных прорех и натяжек. Главными отличиями от взглядов предшественников было два принципиальных положения. В этническом плане в этих трудах (в первую очередь А.П. Смирнова) болгарский этнос предстал не единым сообществом, а неким композитным населением, причудливой смесью различных племен и народов без четкой градации и без указаний на место этих этносов в типологии этнических общностей. А.П. Смирнов, как ученый еще досоветского образования, органически не принимал представлений об иерархии этнических общностей и использовал различные термины из «этнической» номенклатуры без всякой системы. Население Булгарии, которое у А.П. Смирнова чаще всего именовалось неопределенным термином «народ», могло быть и «этносом», и «народностью» и «смешением различных народов», а «булгары» в этой схеме были то «населением страны», то «одним из племен». Он прямо писал, что: «Археологический материал Поволжья дает право говорить, что в Булгарское царство вошли незначительной частью племена, связанные генетически с ананьинской и пьяноборской культурами, древние удмурты, коми, мари, а основную массу составляли племена культуры городищ рогожной керамики и могильников типа Армиевского и Ивановского, культуры связанные с мордвой и чу-

вашами и, наконец, кочевники булгары» (Смирнов, 1951, с.27). То есть, в состав болгарского народа вошли, по его мнению, в той или иной степени, все народы Урало-Поволжья, а это лишило этногенетические исследования всякой определенности, приравнивая ключевой фактор с малозначимыми и второстепенными элементами. К слову сказать, определенный повод для этого давали взгляды самого «классика» И.В. Сталина, который в свое время (1913 г.) писал, что «нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т.д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т.д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих сложившихся в нации различных рас и племен» (Сталин, 1946, с. 291). Хотя И.В. Сталин, вроде бы, имел в виду нации, но его последователи часто применяли его цитату в отношении средневековых этносов. Как бы то ни было, но взгляды А.П. Смирнова являлись слишком расплывчатыми и нечеткими для теоретического моделирования.

Другим недостатком предшественников, который стремился преодолеть А.Х. Халиков, было недооценка эвристических возможностей археологии. В частности А.П. Смирнов в одной своей программной работе прямо указал, что для периода средневековья такое теоретическое понятие, как «археологическая культура» не применима (Смирнов, 1964, с. 3–14; 1968, с. 63–71, прим. 38). Следование этому тезису привело к тому, что археологические материалы в изучении средневековых этнических общностей Поволжья (булгары, татары и т.д.) использовались несистемно, выборочно

и иллюстративно. Например, чтобы показать включение в состав населения болгарских городов русских переселенцев, указывалось на находки русской гончарной посуды, а финно-угорского населения – различные виды женских украшений. Возникали вопросы: частью какой системы были эти элементы? Одной археологической культуры или разных? Насколько они информативны применительно к болгарским древностям? Вообще, как понимать те или иные археологические явления в средневековых древностях: как единое целое или как некую мозаику. Все эти вопросы А.П. Смирнов и его последователи предпочитали оставлять без ответа, оперируя ими так, как будто они подменяли целостный анализ.

Все эти противоречия А.Х. Халиков решил преодолеть, сделав современный и комплексный историко-археологический анализ и представив цельную теорию. Наиболее емкое и краткое изложение основных положений его концепция получила в статье в материалах тюркологического съезда (Алма-Ата, 1980) (Халиков, 1980, с. 7–36). В нем не только изложил основные положения своей теории, но и дал некоторые теоретические пояснения.

Основным пунктом противоречий с А.П. Смирновым стала, как это не покажется парадоксальным, археология. А.Х. Халиков, начинавший свою научную карьеру как «классический» археолог смотрел на болгарские древности в первую очередь с точки зрения материальных объектов. Он считал главным фактором для определения некоей этнической общности «сходство или однотипность быта и культуры...» (Халиков, 1989, с. 87)

и на примере Болгарии прямо писал, что «своеобразие болгарской культуры и бытового уклада также выступает как один из показателей болгарской народности» (Халиков, 1989, с. 112). Фактически в своих трудах он вплотную подошел к понятию «болгарская археологическая культура». Прямо и не сформулировав его, он фактически описывал древности Болгарии, как единую археологическую общность.

Другим моментом разрыва с взглядами А.П. Смирнова было формулирование концепции о «болгарской народности». Собственно говоря, этот теоретический шаг был вполне логичен и напрашивался уже давно и только из-за упорного стремления А.П. Смирнова видеть в населении Болгарии мозаику разных народов и племен, не применялся. Представление о средневековой народности вытекало из самих постулатов исторического материализма в их сталинском исполнении с делением этнических общностей по стадиям общественно-экономических формаций на племя, народность и нацию.

Используя этот теоретический постулат советской социологии и истории, А.Х. Халиков доказывал существование болгарской народности. Система аргументации была обычна для такого рода работ и опробована на других странах, в частности Древней Руси («древнерусская народность»): автор рассматривает исторические и археологические факты, доказывающие существование в Болгарии государства с определенной территорией и общностью хозяйства и культуры, а также языка и некоего антропологического типа волжских болгар» (см.: Халиков, 1989, с. 110). На основе этого автор постулировал существова-

ние единой болгарской народности со своим самосознанием (см.: Халиков, 1989, с. 103–117).

«Булгарская народность» играла важную роль в теории А.Х. Халикова не сама по себе, а как ключевого момента общей истории татарского народа (подробнее см.: Халиков, 1978; 1980; 1989; 1992; 2011). Весьма существенным элементом всей этой этногенетической концепции было стремление доказать изначальное существование определенной «булгарской этничности». Согласно ей тюркизация населения Волго-Уральского региона началась уже в первые века н.э. в связи с перемещением гуннов из Западной Сибири и Центральной Азии. В их составе в Европу проникли и протоболгары. В Среднем Поволжье и Приуралье «булгарская народность», начала складываться с VIII в. н. э. на основе слияния пришлых болгар с местными тюрко-угорскими племенами, а в дальнейшем она развивалась под воздействием внешних этнокультурных влияний, сохраняя свои традиции в культуре.

Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского («булгаро-татарского») народа сформировались в период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), а в последующее время (золотоордынский, казанско-ханский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения в языке и культуре. Княжества волжских болгар, находясь в составе Золотой Орды, пользовались значительной политической и культурной автономией, а влияние ордынской этнополитической системы власти и культуры (в частности, литературы, искусства и архитектуры) носило характер чисто внешнего

воздействия, не оказавшего заметного влияния на булгарское общество. Важнейшим следствием господства Улуса Джучи стал распад единого государства Волжской Булгарии на ряд владений, а единой булгарской народности – на две этнотерриториальные группы («булгаро-буртасы» улуса Мухша и «булгары» волго-камских булгарских княжеств). В период Казанского ханства булгарский («булгаро-казанский») этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно сохраняться (включая и самоназвание «булгары») вплоть до XVIII в. когда ему татарскими буржуазными националистами и советской властью был насильственно навязан этноним «татары». Вот как пишет об этом А.Х. Халиков: «..не позднее рубежа XVII–XVIII вв. в результате колониальной политики царского самодержавия и националистических устремлений местной феодальной знати воспринимает этноним татары» (Халиков, 1980, с. 376).

В целом, надо подчеркнуть, что эта теория является серьезным шагом вперед в теоретическом осмыслении происхождения татарского народа. В отличие от лапидарных и схематичных докладов на сессии по этногенезу 1946 г. в ней были разработаны теоретические положения, последовательно изложены этапы этнической истории, внутренне она почти не содержит противоречий и изъянов. Для своего времени это была большим шагом вперед, показывая высокий уровень развития науки в Казани и являясь серьезной научной теорией, в которой не было фантастических допущений и симптомов «детской болезни национализма». Недаром она получила

высокую оценку со стороны специалистов по этногенезу народов СССР, в частности академика Валентина Васильевича Седова, чл.-корр. РАН Раиля Гумеровича Кузеева и др.

Теория этнологическая: средневековая народность. Теоретическим основанием для изучения этногенеза и этнической истории различных народов в советской историографии служили труды И.В. Сталина, в первую очередь «Марксизм и национальный вопрос» и «Национальный вопрос и ленинизм». Но в 1960-х – 70-х годах цитировать их уже было не принято, хотя советские учебники по историческому материализму продолжали тиражировать его взгляды, ссылаясь на «классиков марксизма-ленинизма». Позднее появились и советские «теории этноса», где «теоретически обосновывались те же взгляды (см.: Бромлей, 1983). В ней пятичленная формационная теория дополнялась «советской этнической триадой» (племя-народность-нация). Поскольку эпохе средневековья соответствовала категория народности, то стоило доказать, что какое-либо общество являлось феодальным государством, то, исходя из этого, можно было прямо постулировать существование единой народности. Как правило, историки так и поступали, конструируя для Древней Руси «древнерусскую», для Польши – «польскую», а для Грузии – «грузинскую» народность. Все остальные доказательства, в принципе, могли быть в наличии в разной степени полноты. Археологические материалы в этой системе впервые привлекались в целостном виде, хотя им часто придавалось определенное этническое значение, которое они могли и не иметь. Возражения вызывали

лишь некоторые детали этих построений, а не их теоретическое основание.

Концепция А.Х. Халикова также целиком и полностью опиралась на эти представления о существовании такой этнической общности, как «народность», наличие которой постулировалось советской теорией. А.Х. Халиков прямо писал, что «Обязательным условием сложения этнических общностей высокого порядка типа народности или нации следует считать наличие общей территории, единого государства, установление тесных экономических связей между отдельными районами этой страны, сходство или однотипность быта и культуры, сливающихся в народность этнических групп, и наличие общего или, по крайней мере, понятного всему народу языка. Побочными факторами, способствовавшими этнической консолидации, могут служить такие надстроечные категории, как религия, система письменности и т.п.» (Халиков, 1989, с. 87; 2011, с. 206). При этом он ссылаясь на «классиков марксизма-ленинизма». Но его ссылка на труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» неверна не только фактически, но и по существу, поскольку «классики» ничего не знали о «народностях» и их свойствах. Все эти признаки – плод творчества одного «классика» – И. Сталина и его философствующих последователей. Вслед за советскими этнологами, А.Х. Халиков полагал, что народность обладает теми же признаками, что и нация, но они выступают в менее развитом виде: такие, как этническое самосознание, общий или общепонятный язык, наличие устойчивой территории и определенная форма социально-территориаль-

ной организации, общие особенности культуры, развитие экономического единства и т.д. (Халиков, 1989, с. 104). Иными словами, народность в этой концепции выступает как неразвитая нация, имеющая все ее признаки, но сконструированная для периода средневековья.

Исходя из такого понимания сущности этноса, методика определения характерных черт средневековой народности сводилась, по сути дела, к выискиванию в источниках несистемных доказательства единства языка, самосознания, территории и хозяйства. На этом основании, а также на затверженном догмате, что «признаками народности и нации являются язык, территория, социально-экономическая и этнокультурная общности людей», автор конструирует некую «булгарскую народность». Однако подробного описания этнических черт (в том числе и элементов самосознания, так как именно их анализ позволил бы выделить то население, которое называло себя «булгар» в средневековом Поволжье) автор, к сожалению, не дает.

Характерен такой пример: А.Х. Халиков, говоря о формировании единого самосознания, апеллирует к иноязычным в том числе русским источникам, которые называли население Булгарии единым термином – «болгары» (Халиков, 1989, с. 104–106). Однако выдернутый из древнерусского контекста, несмотря на кажущуюся красноречивость и даже вследствие этого, данный термин ничего не доказывает, кроме определенного отношения русских к соседям. Действительно, возможно, в глазах русских летописцев болгары и представляли собой некую общность,

но то, что это была общность этнического, а не государственного или профессионального порядка, осталось неясным и специально автором не доказывается. Поскольку, как известно, одновременно в русской традиции бытовали термины типа «немцы» (по отношению ко многим народам Западной Европы) или «черемисы» (по отношению к марийским, удмуртским и даже чувашским племенам), то мы вправе сомневаться, что простой ссылки на термин русских источников достаточно, чтобы решить вопрос о «едином булгарском самосознании» в средние века.

Точно также в рамках этой концепции он поступал и с этнонимом «татары», который, по его мнению, являлся «этническим камуфляжем» (довольно неудачный термин, предложенный Л.Н. Гумилевым, который активно использовал А.Х. Халиков), которым обозначали булгаро-кыпчаков Золотой Орды, в то время как их культура оставалась неизменной в период всего средневековья.

Подобный подход к этносу характерен для подхода к этническим процессам, который в современной науке называется примордиалистским или эссенциалистским. Смысл его состоит в том, что этничность рассматривается как некая сущность (эссенция), которая изначально (примордиально) характерна для каждой этнической общности и остается неизменной с течением времени. Отсюда базовое противоречие «булгаро-татарской теории»: предполагается, что, поскольку средневековая культура булгар оставалась неизменной, то и булгарский этнос вплоть до позднего средневековья сохранял свое «булгарство». Однако, проблема в том, что в самых

многочисленных источниках внутри-этнического характера (метрические мусульманские книги, шеджере и т.д.) определенная часть населения именовала себя «татарами». «Булгаро-татарская» теория объяснить этого не в состоянии. Ведь сама теория примордиональности предполагает, что сами этнические процессы протекают чисто материально, как смена одних признаков другими. Отсюда и представления об этнических процессах не как о культурных или социально-политических явлениях, а как чисто механический (биологический) – переселения, ассимиляция и т.д.

Вот как, например, А.Х. Халиков объяснял самый сложный процесс – внедрения в болгарскую среду «татарского самосознания» в период поздней Золотой Орды и Казанского ханства: «Все это обусловило начало распада некогда единой общеполитической общности. В XV–XVI вв. тенденция дифференциации еще более усиливается. В условиях Казанского ханства – преемника Волжской Булгарии – шел процесс формирования казанских татар... Показательно, что почти все они предпочитали не называть себя татарами. Это имя было непопулярным в народе, хотя в среде последнего в условиях распада Золотой Орды неоднократно включались представители золотоордынских татар» (Халиков, 1980, с. 375). Учитывая, что чуть ранее, он указывал, что основная территория Золотой Орды была населена «преимущественно тюркоязычными народами...», то непонятно откуда взялись в степях Восточной Европы эти самые татары. Иными словами, небольшая группа неких золотоордынских татар, внедрившись в среду болгар «навязала»

им свой этноним и этническое самосознание. Однако, что мешает предположить, что подобная инфильтрация происходила еще с XIII в. И каков механизм «внедрения» этого татарского сознания в болгарскую среду? Ответов на эти вопросы автор не дает. Но проблема в том, что в рамках данной парадигмы их просто не существует.

Парадигма археологической этногенетики: метод «восхождения». Другой теорией, на которой зиждилась концепция «болгарской народности» был археологический метод «восхождения»: прямая «возгонка» от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории. По такой методике построены многочисленные «древние истории» регионов, где излагались материалы археологических исследований и делались выводы исторического характера. Суть этого метода выразил А.В. Арциховский в сакраментальной дефиниции: «археология есть наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным историческим источникам» (Арциховский, 1955, с. 3). Пока шло широкое археологическое обследование территории СССР, происходило накопление источниковедческой базы, постоянно открывались новые объекты, культуры и целые эпохи, конструировались «истории» бесписьменных народов СССР, подобный подход не вызывал особых сомнений.

Однако по мере углубления исследований археологи все чаще начинают сталкиваться с трудностями в исторической интерпретации своих материалов, вызванными в первую очередь многозначностью, фрагментарностью и разрывом в традиции архе-

ологических источников. Нередки, вследствие этого, случаи использования археологических фактов в качестве простой иллюстрации исторических выводов, а в их интерпретации допускаются субъективизм и произвольные (вплоть до взаимоисключающих) толкования, которые часто вели и ведут до сих пор к схоластическим и малопродуктивным дискуссиям об «этнической принадлежности» той или иной археологической культуры.

Показательным в этом смысле является то направление исследований археологов, которое занималось реконструкцией этнических процессов в древности. Оно было удачно названо Л.С.Клейном «археологической этногенетикой» (Клейн, 1993, с. 39–45). Методика ее, начавшая складываться в советской науке 1940–50-х годов в трудах М.И. Артамонова, П.Н. Третьякова, А.П. Смирнова и Б.А. Рыбакова, получила последовательное, системное описание и детальное теоретическое обоснование уже в 1960–80-е годы, благодаря исследованиям В.Ф. Генинга, В.В. Седова и А.Х. Халикова, а ныне разрабатывается их учениками и коллегами.

Данная концепция была открыта отнюдь не советскими этногенетиками. В основных чертах сформулирована в трудах учеников германского этнолога и археолога Густава Коссина, принимавших постулат, выработанный в рамках теории «культурных кругов», что совпадение границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений следует рассматривать в качестве проявления этнической (то есть, по их трактовке языковой) общности. Поскольку, по их мнению, племенное родство и единство языка облегчали культур-

ный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло. Следовательно, по данной теории, этническая граница большей частью должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (Клейн, 1991, с. 145–146). Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Справедливости ради, надо все же отметить, что Коссина и его последователи, если и предлагали его, то, скорее как операционный принцип, не защищая открыто и, тем более, не возводя в теорию. Это было сделано и даже теоретически закреплено уже в трудах советских археологов 40–50-х годов XX в.

Процедурная основа новых представлений о соотношении этноса и археологической культуры была сформулирована в ходе дискуссии об этногенезе в конце 1940-х годов, а их развернутая характеристика (Токарев, 1949, с. 12–36) была одобрена в 1951 г. на всесоюзном совещании этнографов. Во время дискуссии М.И. Артамонов, в частности, выдвинул тезис об обязательном соответствии определенных археологических культур конкретному этническому образованию. Исходя из утверждения, что «этнические особенности не ограничиваются языком, а распространяются на другие стороны культуры, как духовной, так и материальной», археологическая культура рассматривалась как «совокупность признаков этнографического порядка: в рамках каждой культуры в узком значении этого тер-

мина заключается особое этническое образование – племя или народ» (Артамонов, 1949, с. 10–11).

Иными словами, при прокламировании комплексности подхода к познанию этноса (Токарев, 1949, с. 36), в конкретных исследованиях источником всех этногенетических реконструкций, как правило, становилось изучение материальной культуры, а применительно к прошлому – данные археологии. Именно они стали основной фактологической базой изучения истории этноса, буквально замененной археологической этногенетикой (Ганжа, 1987, с. 137–158). Концептуальной особенностью «археологической этногенетики» является то, что целью ее изучения является не все общество, а народ, как этническая категория. Характерно, что сторонники данного подхода не единодушны в конкретных схемах интерпретаций и часто полемизируют по их деталям. Однако все они едины в одном: каждой археологической культуре в идеале должен соответствовать определенный и единственный древний этнос, а предметом изучения служат некие «этнические признаки» (как правило, керамическая посуда, украшения и элементы погребального обряда). Археологический материал в этой методике имеет свое значение и место в системе доказательств, в качестве «объективного» и «красноречивого доказательства», хотя чаще всего приводится как иллюстрация исходных положений, придавая им дополнительную самоочевидную убедительность.

В этом смысле концепция А.Х. Халикова является весьма показательной, показывающей все силь-

ные и слабые стороны метода «археологической этногенетики». Хотя он был близок к обоснованию понятия «булгарская археологическая культура», но формулировал его скорее эксплицитно, не употребляя этот термин и, соответственно, не анализируя их последовательно как культурно-территориальную общность. Внимание к этому положению важно, поскольку для советской этногенетической реконструкции на основе данных археологии, необходимо обобщить археологические памятники в такой теоретический конструкт, как «археологическая культура». После чего, в соответствии советской теорией этногенетики, можно реконструировать этническую общность.

Поэтому использование археологических источников было так важно для А.Х. Халикова и его концепции. Обобщение этих материалов давало ему уверенность, что они обеспечивают объективную реконструкцию различных сфер жизни общества. Он прямо подчеркивал, что «своеобразие булгарской культуры и бытового уклада... выступает как один из показателей булгарской народности», при этом указывается, что «наиболее типичным предметом булгарской культуры исследователи справедливо рассматривают гончарную керамику» (Халиков, 1989, с. 113). Иными словами, на основе некоторого единства археологических памятников, выделяемых, главным образом, на основе памятников с особой керамической посудой, украшениями, мусульманским обрядом погребения и т.д. конструируется некая этноархеологическая общность (Халиков, 1989, с. 87–103; 2011, с. 201–211), которая

прямо связывается с этнокультурными признаками средневековой народности.

По своим теоретическим основаниям и цельности изложения данная концепция стала важным шагом в познании этногенетических процессов в средневековье. Теория «българской народности» и система археологических доказательств ее возникновения и развития стала важным этапом в понимании этногенетических процессов в Волго-Уральском регионе. Вместе с тем, было бы неверно не указать на теоретические и фактические слабости данной теории, которые и являют собой «проблемную ситуацию», требующую изменения подходов к ней.

«Българская народность»: проблемная ситуация. Разумеется, в трудах А.Х. Халикова по проблемам этногенеза представлена лишь «спрямленная» версия научного поиска. Реальные исследования и их методика не так однолинейны, хотя теоретические положения выглядят именно так. Для данной теории характерно смешение методов археологии и этнологии. Как следствие этого методического разнобоя, его сопоставления не имеют ни археологической четкости, ни этнологической определенности.

Эта «квадратура круга» теоретических положений связана в первую очередь с некорректностью терминологии и нечеткостью метода. Отсутствие четко определенного понятия археологическая культура и ее соотношения с этносом (например, «българская археологическая культура» = культура населения Волжской Българии = българский этнос), а также непротиворечивое описание метода их сопоставления, ведет к весьма расплывчатому характеристи-

кам, которые, как правило, не являются ни чисто археологическими, ни строго этнологическими. Нечеткость определений ведет к произволу в рассуждениях и амбивалентности доказательств, а, в конечном счете, и к сомнительным, некорректным выводам.

Если само понятие «археологическая культура» не разрабатывается и не применяется к средневековым общностям, то и реконструировать этнос на основе данных археологии невозможно. Осознание этих трудностей, однако, не заставило сторонников метода «археологической этногенетики» пересмотреть стратегию исследований. Отказываясь от признания полного совпадения этноса всей археологической культуре, сторонники «археологической этногенетики», стремясь сохранить главное – соответствие археологической культуры этносу – прибегают к выделению элементов, имеющих этническое значение – «этнических признаков». Теоретические постулаты и методические недостатки данной схемы подробно изучены и дискредитированы, поскольку доказаны методологическая порочность отождествления части с целым; разрушение логической основы для самого понятия «археологическая культура» с ликвидацией синтетического подхода; внутренняя противоречивость в самой позиции сторонников этой концепции, обычно вынужденных оговаривать свое принципиальное согласие с необходимостью комплексного подхода; неопределенность (поскольку структуру сторонники этногенетики никак не оговаривают) понятия «этнос» для разных эпох, общностей и конфессий; отсутствие регулярного совпадения произвольно выбранных признаков (керамика и технико-тех-

нические способы ее изготовления, форма и типы ее орнаментации, устройство жилищ, украшения, способ погребения и т.д.) с древним этносом, поскольку для каждой эпохи, региона и этнокультурной общности эти характеристики будут своеобразными и оригинальными. (Кнабе, 1959, с. 243–257; Клейн, 1991, с. 145–153; 1993, с. 39–45, 55–63; Шнирельман, 1990; 1993). Иными словами, древние этнические общности и их совпадение с ареалами археологических культур оказываются гораздо более сложными, нежели простые и безупречные с точки зрения здравого смысла и формальной логики схемы и не сводимы к априорно выбранному набору признаков.

Однако это, казалось бы, вполне логичное, но на деле квазирациональное построение не выдержало столкновения с данными этнографии. Постепенно под давлением фактов большинство археологов было вынуждено признать реальность бурных перемещений народов и культурных контактов, существование расплывчатых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д. Свидетельством определенного кризиса этого направления служит все более частое декларирование «полиэтничности» археологических культур, нередко игравших решающую роль в концепции этногенеза того или иного народа (например, черняховской культуры – в концепции происхождения восточных славян, салтово-маяцкой – в этногенезе тюркских народов Европы и т.д.). В этом же ряду отказ признать применимость использования для эпохи древности и средневековья понятия

«археологическая культура» (иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового для археологии, как науки.

Данный метод, применяемый в отношении этнической истории Булгарии, продолжает, однако, развиваться в трудах ряда исследователей, приобретаемая, однако, все более шаблонный и формальный характер в определении «атрибутов» и «признаков» «феодальной болгарской народности» при сложившейся «единой общеполитической материальной и духовной культуре» (Хузин, 1997; Казаков, 1992). При разработке проблем этноса болгар, исследователи сталкиваются с рядом аспектов, трудно разрешимых в рамках данного подхода. Так, постулируемая «единая общеполитическая культура», в соответствии с этой же самой методикой, оказывается на деле многокомпонентной и не соответствует какому-либо определенному этносу. По мнению Ф.Ш. Хузина, «нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Булгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения народности, сохраняется долго. Тюркоязычные группы действительно сравнительно быстро консолидируются в рамках единого сообщества. Однако в Булгарии проживали и регулярно проникавшие из соседних земель чужеродные группы (финно-угры, славяне), которые в большинстве своем никогда не теряли своего этнического лица. Ассимиляция подвергалась только часть этого населения» (Хузин, 1997, с. 46). Возникает вопрос: можно ли в таком

случае всех носителей «единой болгарской культуры» считать представителями «болгарской народности»?

Отрицательный ответ на этот вопрос сторонников «археологической этногенетики» содержит два семантических аспекта, которые обнажают недостатки и противоречия их концепции. Поскольку на основании данных исторических источников можно заключить, что на территории Болгарии жили и представители других этносов, то, очевидно, не все носители культуры считали себя «болгарами». Обратной стороной этого положения является молчаливое признание многоэтничности носителей единой «болгарской культуры». Однако в таком случае, разрушается не только единство болгарской народности, конструируемой на основе «объективных» археологических данных, но и теоретическая монолитность теории «этногенетики», которая постулирует соответствие каждой археологической культуре только одного и единственного этноса.

Еще более сложной является проблема этноса и этничности для периода средневековья. Достаточно сказать, что современная наука отвергает примордиалистский (эссенциальный) подход к этничности и использует другие объяснительные модели, основанные на конструктивистских и структуралистских подходах. В советской историографии этнические общности эпохи средневековья получили название «народность». Однако те факторы единства, которые в это понятие вкладывались («единство языка, территории и культуры») фактически нигде не были выявлены. Никакого культурного единства внутри различных политических образований сред-

невековой эпохи не было, и быть не могло. Одни явления имели надобщинный характер и отражают определенное единство высшего сословия, другие имеют локальный и внеэтнический характер (например, единство погребального обряда свидетельствует о религиозной унификации ритуалов). Но в целом культурные, языковые, сословно-социальные и политические общности представляют собой различные ареалы, имеющие некоторые общие поля, но полностью не совпадающие.

Все эти древние и средневековые общества Э.Геллнер называл агро-письменными (Геллнер, 2002, с. 146–200). Не вдаваясь в анализ социально-экономической системы допромышленных обществ, следует все-таки отделить древние и полисные общества и ограничиться рассмотрением тех, которые были характерны для Старого Света в период после падения Римской империи и до промышленной революции. Следует отметить две их важнейшие характеристики – они являлись аграрными и сословно-классовыми, что позволяет в самом общем виде называть их аграрно-сословными, для которых были характерны некие сословно-культурные (условно их можно назвать, «этническими») общностями. Пожалуй, наиболее общее и нейтральное определение этнической общности дал Э. Смит, который полагал, что это «группа людей, имеющая имя, мифы об общих праотцах, общие исторические воспоминания, один или несколько элементов общей культуры, связь с родиной и определенную степень солидарности, по крайней мере, среди элиты» (Smith, 1981, p. 66). Сам же процесс изучения этногенеза и эт-

нической истории является гораздо более сложным и многоступенчатым исследованием, нежели признание некой общности «народностью».

Таким образом, можно констатировать, что концепция этногенеза и этнической истории татарского народа, созданная А.Х. Халиковым была серьезным теоретическим прорывом, поскольку имела цельный, концептуальный характер. Стройность и соответствие пользовавшейся в то время популярностью советской парадигме (утверждение которой имело внеучный характер, а идеологические постулаты, составлявшие ее основу утверждались всей мощью советского государства) способствовало тому, что она долгое время определяла теорию и практику казанской школы археологии. Однако сейчас мы вынуждены признать, что непротиворечивой она была только в рамках советской парадигмы и, если бы не партийно-советский диктат над наукой, то все эти изъяны были бы выявлены гораздо раньше. Недостатки вызваны теоретическими постулатами советского исторического материализма – при-

матом базиса (средства производства и производственных отношений) над надстроечными явлениями (культура, общественное сознание и т.д.), а также этнологическими представлениями, появившимися еще в конце XIX в. и замороженными в отечественной науке, основанными на примордиалистском подходе к сущности этнических процессов. Все они имели конкретное воплощение в методике использования этнологии и археологии применительно к средневековой Булгарии. Но недостатки всякой теории – продолжение ее сильных сторон. Отличавшиеся в лучшую сторону от автохтонистских и примитивных марристских гипотез, теоретической проработкой и системным использованием данных археологии, они оказались ущербными, когда теоретическая база историко-этнологических исследований отечественной науки резко расширилась. В первую очередь, это касается новых подходов к теории археологии и этнологии, которые формируют новые подходы к этническим проблемам в период средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев С.Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С. 109–117.
2. Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. – С. 201–223.
3. Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИ-ИМК. – № 29. – Л, 1949. – С. 2–16.
4. Арциховский А.В. Основы археологии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 280 с.
5. Бариев Р.Х. Волжские булгары: история и культура. – СПб.: Агат, 2005. – 304 с.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

7. Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40-60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев: Наукова Думка, 1987. – С. 118–158.

8. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.

9. Гимади Х.Г. Некоторые вопросы истории Татарии (к вопросу о периодизации истории до XVIII в.) // Ученые записки Казанского гос. пед. института. – Вып. 4. – Казань, 1941, – С. 52–67.

10. Губайдуллин Г. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Вып. II. – Казань: Научное Об-во Татароведения, 1925. – С. 71–111.

11. Губайдуллин (Газиз) Г. История татар. (Казан, 1924). Сокр. перевод с татар. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. – М.: Московский лицей, 1994. – 198 с.

12. Закиев М.З. Татар халкы теленен барлыкка килуе. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 208 с.

13. Закиев М.З. Проблема этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. – С. 12–94.

14. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 1996. – № 3/4. – С. 96–101.

15. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище ЦК ВКП(б) // Родина. – 1997. – № 3/4. – С. 116–118.

16. История ТАССР. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1968. – 719 с.

17. Исхаков Д.М. Проблема становления и трансформации татарской нации. – Казань: Мастер-Лайн, 1997. – 248 с.

18. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

19. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1954. – 127 с.

20. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1988. – 128 с.

21. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.

22. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 118 с.

23. Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 243–257.

24. Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань: ИИ АН РТ, 1999. – 60 с.

25. Происхождение казанских татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1948. – 160 с.

26. Смирнов А.П. О возникновении государства волжских булгар // ВДИ. – 1938. – № 2(3). – С. 99–112.

27. Смирнов А.П. Очерки по истории древних булгар // Труды ГИМ. – Вып. XI. – М., 1940. – С. 35–137.

28. *Смирнов А.П.* Волжские булгары // Труды ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.
29. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3–17.
30. *Смирнов А.П.* Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА. – 1968. – № 2. – С. 63–71.
31. *Смирнов А.П.* Ответ А.Х. Халикову, П.Н. Старостину, Е.А. Халиковой, А.Г. Петренко // СА. – 1974. – № 4. – С. 320–324.
32. *Смирнов А.П., Корнилов Г.Е.* Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (Рец.) // История и культура Чувашской АССР. – Вып. 1. – Чебоксары: Чувашский научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики, 1972. – С. 481–517.
33. *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1946. – С. 290–367.
34. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // СЭ. – 1949. – № 3. – С. 12–36.
35. *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1921. – 136 с.
36. *Халиков А.Х.* О происхождении казанских татар // Советская Татария. – 1966. – 3 июля.
37. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. – С. 7–36.
38. *Халиков А.Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. – Т. IV. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1971а – С. 30–37.
39. *Халиков А.Х.* Культура народов Среднего Поволжья в X–XIII вв. // ВИ. – 1976. – № 4. – С. 102–119.
40. *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. – 160 с.
41. *Халиков А.Х.* Этапы этногенеза татар Поволжья и Приуралья // Проблемы современной тюркологии: Матер. 2 Всесоюзн. тюрколог. конфер. – Алма-Ата: Наука АН Казах. ССР, 1980. – С. 372–376.
42. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 220 с.
43. *Халиков А.Х.* Кто мы – булгары или татары? – Казань: Изд-во «Казань», 1992. – 64 с.
44. *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: Фэн, 1994. – 164 с.
45. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: ООО «Фолиантъ»; ИИ АН РТ, 2011. – 336 с.

46. Халиков А.Х., Старостин П.Н., Халикова Е.А., Петренко А.Г. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья // СА. – 1972. – № 4. – С. 265–274.

47. Худяков М.Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань: 1-я гос. типография, 1922. – 21 с.

48. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань: Мастер Лайн, 1997. – 183 с.

49. Шнирельман В.А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. – Вып. 201 – М., 1990. – С. 49–56.

50. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. – 39 с.

51. Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. – С. 212–231.

52. Smith A.D. The Ethnic Revival. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 240 p.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

BULGARIAN ETHNOS ACCORDING TO A.KH. KHALIKOV' WORKS: SCIENTIFIC CONCEPT AND ITS THEORETICAL BASES

I.L. Izmailov

The article is devoted to the problems of Bulgar and Tatar ethnogenesis studied in the works of the prominent Kazan archaeologist A.Kh. Khalikov. His concept was based on the fact that a number of ethnic groups (Turkic, Finno-Ugric, and East Slavic) participated in the formation of these peoples and that the key role in these processes was played by their mutual cultural influence. The concept of ethnogenesis and ethnic history of the Tatar people offered by A.Kh. Khalikov was a serious theoretical breakthrough against the background of both ideology-biased historical schemes of the Soviet era and the various nationalist ideas, differing from them by a comprehensive, integral scientific analysis of predominantly archaeological data. At present, however, when theoretical and factual bases of historical and ethnological research have considerably expanded, a number of conflicting issues have arisen in the framework of this concept, which, therefore, require new approaches to their solution.

Key words: the Volga-Ural region, the Middle Ages, the Volga Bulgaria, the Bulgar ethnic group, the Turkic peoples, ethnogenesis of the Tatars, the concepts of ethnogenesis, “archaeological ethnogenetics”, historiography, Kazan school of archaeology.

REFERENCES

1. Alishev, S. Kh. 1985. In *Issledovaniia po istoricheskoi dialektologii tatarskogo iazyka (Researches in Historical Dialectology of Tatar Language)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 109–117 (in Russian).
2. Alishev, S. Kh. 1995. In *Materialy po istorii tatarskogo naroda (Materials on History of the Tatar People)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 201–223 (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 29. Leningrad, 2–16 (in Russian).
4. Artsikhovskii, A. V. 1955. *Osnovy arkheologii (Basics of Archaeology)*. Moscow: “Gospolitizdat” Publ. (in Russian).
5. Bariev, R. Kh. 2005. *Volzhskie bulgary: istoriia i kul'tura (Volga Bulgars: History and Culture)*. Saint Petersburg: “Agat” Publ. (in Russian).
6. Bromley, Yu. V. 1983. *Ocherki teorii etnosa (Essays on the Theory of Ethnos)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Ganzha, A. I. 1987. In *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Research in Socio-Historical Issues in Archaeology)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 118–158. (in Russian).
8. Gellner, E. 2002. In *Natsii i natsionalizm (Nations and Nationalism)*. Moscow: “Praksis” Publ., 146–200 (in Russian).
9. Gimadi, Kh. G. 1941. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Scientific Bulletin of the Kazan State Pedagogical Institute. History Department)* 4. Kazan, 52–67 (in Russian).
10. Gubaidullin G. 1925. In *Materialy po izucheniiu Tatarstana (Materials for the Study of Tatarstan)* II. Kazan: Scientific Society for Tatar Studies, 71–111 (in Russian).
11. Gubaidullin (Gaziz) G. 1994. *Istoriia tatar (Kazan, 1924) (History of the Tatars)*. Sokr. perevod s tatar. S. G. i, A. Kh. Gubaidullinykh. Moscow: “Moskovskii litsei” Publ. (in Russian).
12. Zakiev, M. Z. 1977. *Tatar xalkı teleneñ barlıkka kilüe (Origins of the Language of the Tatar People)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Tatar).
13. Zakiev, M. Z. 1995. In *Materialy po istorii tatarskogo naroda (Materials on the History of the Tatar People)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 12–94 (in Russian).
14. Izmailov, I. L. 1996. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)*. (3/4), 96–101 (in Russian).
15. Izmailov, I. L. 1997. In *Rodina (Motherland)* (3/4), 116–118 (in Russian).
16. *Istoriia Tatarskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. 1968. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
17. Iskhakov, D. M. 1997. *Problema stanovleniia i transformatsii tatarskoi natsii (Issue on the Tatar Nation's Emergence and Transformation)*. Kazan: “Master-Lain” Publ. (in Russian).

18. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of the Early Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)*. Series: Trudy Kazanskogo filiala AN SSSR (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
20. Karimullin, A. G. 1988. *Tatary: etnos i etnonim (The Tatars: Ethnos and Ethnonym)*. Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
21. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiia (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
22. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
23. Knabe, G. S. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 243–257 (in Russian).
24. Kuz'minykh, S. V., Starostin, P. N., Khuzin, F. Sh. 1999. *Al'fred Khasanovich Khalikov. Ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti (Al'fred Khasanovich Khalikov. Essay on Life and Scientific Works)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
25. *Proiskhozhdenie kazanskikh tatar (Origin of the Kazan Tatars)*. 1948. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
26. Smirnov, A. P. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2(3)), 99–112 (in Russian).
27. Smirnov, A. P. 1940. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XI. Moscow, 35–137 (in Russian).
28. Smirnov, A. P. 1951. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XIX. Moscow (in Russian).
29. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 3–17 (in Russian).
30. Smirnov, A. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 63–71 (in Russian).
31. Smirnov, A. P. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 320–324 (in Russian).
32. Smirnov, A. P., Kornilov, G. E. 1972. In *Istoriia i kul'tura Chuvashskoi ASSR (History and Culture of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic)* 1. Cheloboksary: Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics, 481–517 (in Russian).
33. Stalin, I. V. 1946. In Stalin, I. V. *Sochineniia (Works)* 2. Moscow: "Politizdat" Publ., 290–367 (in Russian).
34. Tokarev, S. A. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 12–36 (in Russian).
35. Firsov, N. N. 1921. *Chteniia po istorii Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Readings on History of the Middle and Lower Volga Region)*. Kazan (in Russian).
36. Khalikov, A. Kh. 1966. In *Sovetskaia Tatariia (Soviet Tataria)*, 3 July (in Russian).

37. Khalikov, A. Kh. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia* (*The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).
38. Khalikov, A. Kh. 1971. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii* (*Archaeology and Ethnography of Bashkiria*) IV. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 30–37 (in Russian).
39. Khalikov, A. Kh. 1976. In *Voprosy istorii* (*Questions of History*) (4), 102–119 (in Russian).
40. Khalikov, A. Kh. 1978. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ia i Priural'ia* (*Origin of the Volga and Cis-Urals Tatars*). Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
41. Khalikov, A. Kh. 1980. In *Problemy sovremennoi tiurkologii* (*Issues on Recent Turkology*). Alma-Ata: “Nauka” Publ., Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 372–376 (in Russian).
42. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki* (*Tatar People and its Ancestors*). Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
43. Khalikov, A. Kh. 1992. *Kto my — bulgary ili tatory?* (*Who are we — the Bulgars or the Tatars?*). Kazan: “Kazan” Publ. (in Russian).
44. Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatory, Zolotaia Orda i Bulgariia* (*The Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria*). Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
45. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia* (*Basics of Ethnogenesis of the Middle Volga and Cis-Urals peoples*). Kazan: “Foliant” Publ.; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
46. Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N., Khalikova, E. A., Petrenko, A. G. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (4), 265–274 (in Russian).
47. Khudiakov, M. G. 1922. *Musul'manskaia kul'tura v Srednem Povolzh'e* (*Muslim Culture in the Middle Volga Region*). Kazan: “1-ia gos. tipografiia” Publ. (in Russian).
48. Khuzin, F. Sh. 1997. *Volzhskaia Bulgariia v domongol'skoe vremia* (*X — nachalo XIII vekov*) (*Volga Bulgaria during the pre-Mongol Period (the 10th — beginning of the 13th centuries.)*). Kazan: “Master-Line” Publ. (in Russian).
49. Shnirel'man, V. A. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Concise Bulletins of the Institute for Archaeology*) 201. Moscow, 49–56 (in Russian).
50. Shnirel'man, V. A. 1993. *Arkheologicheskaia kul'tura i sotsial'naia real'nost'* (*Problema interpretatsii keramicheskikh arealov*). *Preprint* (*Archaeological Culture and Social Reality (Interpretation of pottery areas)*). *Preprint*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute for History and Archaeology (in Russian).
51. Iusupov, G. V. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia* (*Issues of the Ethnogenesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 212–231 (in Russian).
52. Smith, A. D. 1981. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge University Press.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru